

Ричард очнулся от того, что его буквально колотило от холода.

Стужа вонзалась в тело, словно тысячи крошечных лезвий, причиняя такую боль, будто кости вот-вот развалятся, а голова гудела, словно налитая свинцом. Он с трудом приподнял тяжелые веки, и зрение сфокусировалось далеко не сразу.

Первое, что он увидел, было то самое лицо.

Черноволосый мужчина сидел в неестественно застывшей позе, устремив расфокусированный взгляд в серую дымку неба. Его плотно сжатые губы превратились в прямую линию. Непостижимым образом на этом безупречном, но совершенно безжизненном лице Ричард уловил отблеск... печали?

— Ты... — едва он выговорил слово, как горло обожгло, словно его терли наждачной бумагой. Голос прозвучал хрипло и надтреснуто, а следом накрыл приступ мучительного кашля.

Когда перед глазами перестало плыть, к нему пришло полное осознание: он всё еще на той же чертовой уличной скамье, а его голова покоится на коленях у этого человека.

Черт возьми.

Вывод напрашивался сам собой: вчера, когда он потерял сознание, он просто свалился на этого незнакомца. А этот добрый самаритянин не отвез его в больницу и не бросил подышать на тротуаре, а непонятно зачем всю ночь служил ему живой подушкой. Ричард опустил взгляд — сверху он был укрыт чужим плащом, который на вид стоил целое состояние.

Неудивительно, что поднялась температура, — мысленно вздохнул Ричард. Значит, плата за этот сервис в виде коленей — простуда.

Заметив, что Ричард очнулся, мужчина тут же склонил голову. Его черные, как омут, глаза впились в лицо больного. Никаких эмоций, никакого нетерпения или расспросов — он просто смотрел.

От этого взгляда у Ричарда по коже побежали мурашки. Он с трудом сел, чувствуя, как каждый мускул протестует против движения. Он стянул с себя плащ, кое-как свернул его и сунул обратно в руки мужчине, чувствуя себя при этом донельзя неловко.

Что сказать?

Спасибо? Или спросить, почему он не отвез его в больницу?

Горло будто перехватило спазмом. Но важнее было другое: лицо, которое десятилетиями

оставалось в памяти лишь размытым пятном, сейчас обрело четкость и с пугающей точностью наложилось на того, кто сидел перед ним.

Это он. Ошибки быть не могло.

Время словно застыло для него. На этом прекрасном, почти нереальном лице за десять с лишним лет не появилось ни единой морщинки — именно поэтому Ричард узнал его с первого взгляда.

Но... ощущения были совсем иными.

В его воспоминаниях у этого человека был ясный, живой взгляд, в котором читалось нечто... глуповатое?

Уж точно не эта пустая оболочка с выжженной душой.

Пока мысли вихрем проносились в голове, мужчина медленно накинул плащ и поднялся, собираясь уходить.

Ричарда охватил порыв. Почти инстинктивно он протянул руку и вцепился в полы плаща, хрипло выдохнув:

— Не уходи.

Этот резкий жест и выкрик наконец пробили брешь в маске бесстрастия. Мужчина замер, чуть склонил голову, и в его черных глазах промелькнуло чистое, незамутненное недоумение:

— Что случилось?

Понимает.

Он понимает.

Волна ликования пронеслась по телу Ричарда, перекрывая жар и ломоту в костях. Шанс.

Мозг заработал на пределе. Ричард мгновенно сменил выражение лица на беспомощное и жалкое, выжав из хриплого голоса нотки рыданий:

— Господин... кхе-кхе... я всю ночь пролежал на холоде, теперь я тяжело болен... голова раскалывается, меня бьет озноб... Дома никого, если я вернусь в таком состоянии, боюсь, до конца дня не доживу...

Он старательно заморгал влажными от лихорадки глазами, пытаясь выдавить слезу.

— Умоляю вас, добрый господин... проводите меня домой? Это совсем рядом... Силвер-Оук, 27.

Мужчина явно опешил. Он застыл на месте, молчал несколько секунд, переводя взгляд с покрасневшегося лица Ричарда на его руку, сжимающую край плаща. Наконец, недоумение сменилось чем-то более знакомым — инстинктом, который не позволял ему пройти мимо чужой беды.

— ...Хорошо, — голос оставался ровным, но он согласился.

У Ричарда с души свалился камень, хотелось даже рассмеяться. Ну конечно, это он. Тот самый добряк, который не мог остаться равнодушным, видя слезы незнакомца.

Мужчина протянул левую руку. Ричард обрадовался, решив, что тот хочет помочь ему встать, и тут же вложил свою ладонь в его.

Однако мужчина лишь в недоумении склонил голову, не понимая этого жеста. Затем он молча приложил другую, ледяную ладонь (от этого холода Ричарда передернуло) к его лбу.

— ...Так и есть, — пробормотал он, опуская ресницы. Голос звучал как бред. — Прости... я совсем забыл... люди простужаются... когда мерзнут...

Странность этих слов кольнула Ричарда. Забыл? Простужаются? Что за формулировки...

Он подавил подозрения — сейчас важнее было удержать этого человека из прошлого подле себя.

Мужчина слегка потянул за руку — движение казалось небрежным, но сила оказалась невероятной, он легко и уверенно поставил Ричарда на ноги.

— Идти можешь?

У Ричарда подкосились ноги, и он невольно привалился к мужчине. Тот мгновенно стал жестким, как стальная плита, и тут же, стараясь не выдать себя, осторожно отстранился на пару сантиметров.

Он боится?

Ричард уловил этот нюанс, сделал вид, что твердо стоит на ногах, и кивнул, мысленно ставя себе галочку.

Они шли по утренней прохладной улице бок о бок. Мужчина молчал. Чтобы прервать гнетущую тишину и заодно проверить реакцию, Ричард нарочно споткнулся.

Другая рука мужчины тут же подхватила его, придерживая за бок, а в голосе прозвучало участие:

— Ты в порядке?

Желание оставить его у себя крепко. Это было уже не просто воспоминание о прошлом — это было похоже на утопающего, ухватившегося за соломинку. Этот человек был единственным четким фрагментом в его хаотичной жизни.

— Я в порядке, господин, — Ричард выпрямился, стараясь выглядеть стойким.

— Я могу донести тебя на спине, — предложил тот.

Неужели?

Ричард чуть не выпалил согласие, но вовремя сдержался. Сохраняя образ, он выдавил благодарную и чуть виноватую улыбку:

— Ха-ха, спасибо за доброту, господин. Вы и так мне очень помогли, если я еще и на спину вам взберусь, мне будет совсем неловко.

Отказ его не смутил. Они продолжили путь в тишине. Ричард украдкой разглядывал спутника: его походка была странно правильной и скованной. Глубоко вдохнув, он решил на осторожный зондаж:

— Господин, меня зовут Ричард Гудман. Могу я... узнать ваше имя?

Мужчина едва заметно запнулся. Он повернул голову, и его сумрачные черные глаза внимательно посмотрели на Ричарда, будто обмен именами был решением государственной важности.

Воздух застыл на несколько секунд.

— А-Хай, — наконец выдавил он. Голос звучал сухо. Мужчина тут же отвел взгляд, глядя куда-то в сторону, а его уши подозрительно покраснели.

Вымышленное имя.

Но, глядя на А-Хая, который явно не умел лгать и теперь смущенно прятал глаза, Ричард почувствовал, как сердце смягчается, и захотелось улыбнуться.

Ладно, мило. Подыграем.

Он постарался сохранить максимально искреннее (и болезненное) выражение лица:

— А-Хай? Какое необычное имя. Очень... э-э, очень тебе подходит.

— ...Спасибо, — буркнул А-Хай, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Когда они подошли к дому, Ричард решил пойти ва-банк и выпалил целую тираду на языке страны Б, тараторя как пулемет:

— А-Хай, мой дом прямо здесь, Силвер-Оук, 27, мы пришли, я всю ночь мерз на улице и простудился, чтобы ты тоже не заболел, может, зайдешь, выпьешь горячей воды и отдохнешь?

А-Хай был явно ошеломлен потоком слов. Он растерянно моргал, пытаясь перевести услышанное в уме, и даже нахмурился.

Спустя долгое время он, видимо, махнул рукой на попытки разобрать сложные фразы и уловил лишь суть — зайти внутрь. Неуверенный в своих языковых навыках, он медленно и осторожно кивнул:

— ...М-м... хорошо.

Такая реакция... сколько же он понял? Ричард замедлил темп и перешел на простой язык:

— А-Хай, ты ведь не местный? Судя по виду, приехал из страны С?

При упоминании этого напряжение в плечах А-Хая немного спало. Он кивнул, и на этот раз ответил увереннее:

— Да, я живу в стране С, приехал в страну Б... навестить родных.

Навестить родных?

Больной мозг Ричарда с трудом пытался сопоставить факты. Учитывая его потерянный вид... неужели во время визита что-то случилось? Какой-то страшный удар превратил его в такого человека?

Сейчас, когда он был занят разговором, мертвенная печать на его лице немного отступила, взгляд стал живее, и в нем промелькнули тени прошлого...

Слишком много мыслей. Жар и усталость нахлынули волной, в висках застучало. Ричард потер лоб, улыбка стала даваться с трудом, а голос совсем ослаб:

— Какое... совпадение, я всегда интересовался страной С... А-Хай, если будет время, расскажешь мне о ней?

Ричард достал ключи. Руки не слушались, пришлось несколько раз тыкать ключом в замочную скважину. В тот момент, когда дверь открылась, маска, которую он держал всю дорогу, окончательно рухнула. Перед глазами потемнело, мир завертелся. Он даже не успел охнуть, как тело обмякло и начало оседать.

В последние мгновения сознания он почувствовал, что не ударился о холодный пол, а упал в чьи-то руки, от которых исходил тонкий аромат. А-Хай среагировал невероятно быстро, подхватив его.

У самого уха послышался встревоженный, чуть запинаящийся голос, пробившийся сквозь пелену:

— Ричард... проснись, не спи... где... твои лекарства?

...В ящике... прикроватной тумбочки...

Ричард шевельнул губами, издав лишь слабый, едва слышный выдох. Он надеялся, что его поняли, и, почувствовав облегчение, позволил сознанию окончательно погрузиться в бездонную тьму.

<http://bllate.org/book/18654/1797913>